

Бирки, пришла к заключению, что в X в. в Скандинавии женщины носили подобное платье, тесно облегающее фигуру (Hägg, 1974. S. 109). Для отделки такой тунки, видимо, послужили два куса шелковой ленты-тесьмы шириной 3 см (длина 17 и 32,5 см, плотность 30x35 на 1 см). Лента относится к предметам византийского круга. Лицевая сторона украшена геометрическим узором и сработана саржевым переплетением, изнаночная — полотняным. По краям ленты обнаружены проколы иглы, свидетельствующие, что она была пришита к одежде.

Наряду с лентой-тесьмой найдены полоски красного шелка шириной 3–5 см, подрубленные с двух сторон. Лицевая сторона их так же исполнена саржевым переплетением, изнаночная — полотняным. Нити основы этих шелковых полосок слабо крученые и тоньше некрученых уточных. На одной из полосок зеленым утком выполнен узор геометрического характера, раскрыть который полностью не удалось. Трудно определить назначение полосок, их могли использовать для отделки рукавов или оформления ворота.

Среди остатков шелковой одежды оказались два вида шелка хорошей сохранности. Один из них являлся плотной, безузорной, красного цвета материей ровного полотняного переплетения. На 1 кв. см приходилось 20–22 тонких крученых нитей основы и 26–30 нитей некрученых уточных, толще основных.

Особенно примечательна вторая узорная ткань полотняного строения, обогащенная введением золотных нитей. Она выткана одной

основой из тонкой крученой пряжи красного цвета и тремя утками — красным шелковым из некрученых нитей и двумя золотными, состоящими из шелковой нити, обвитой серозной оболочкой кишок животных с золотой амальгамой. Золотными утками выполнен орнамент, расположенный по всей ширине ткани горизонтальными рядами. На лицевой стороне узорные утки образуют настил, а на изнанке висят незакрепленными. Плотность ткани составляет по основе на 1 кв.см около 36–38 нитей, по утку она колеблется от 36 до 90, а на участках с золотным узором достигает 64 нитей на 1 кв.см.

Использование золотных нитей при выработке узора исключает из числа возможных центров производства этой материи шелкоткацкие мастерские Востока и Средиземноморья, не применявшие в ткачестве металлические нити. Испания в этом отношении представляется исключением. По сообщениям восточных авторов, она являлась в X в. страной развитого шелкоткачества, и шелковые нити, обвитые позолоченной оболочкой, начали там применяться уже в то время. Так, например, подобные золотные нити были использованы в Кордове при изготовлении шелковой ленты между 976 и 1013 г. (Фехнер, 1980. С. 124, 126).

Шелковые изделия являлись одной из основных статей испанского экспорта, который осуществлялся через города Средиземноморского побережья на рынки Византии и стран Европы. Вероятнее всего, через Византию описанная ткань была привезена в Гнёздово.

Спицын А.А. 1905. Гнёздовские курганы в раскопках С.И.Сергеева // Известия археологической комиссии. СПб. Вып. 15.

Фехнер М.В., 1980. Испано-русская торговля XII в. // История и культура Евразии по археологическим данным. Труды ГИМ. М. Вып. 51.

Geijer A., 1938. Die Textilfunde aus den Gräbern. Birka III. Stockholm.

Ginters Y., 1981. Tracht und Schmuck in Birka und im ostbaltischen Raum // Antikvariskt arkiv. Stockholm. 70.

Häggl I., 1974. Kvinnodräkten i Birka. Uppsala.

Häggl I., 1986. Die Tracht. Birka II:2. Stockholm.

SUMMARY

M.V. Fekhner
FABRICS FROM GNIEZDOVO

The article gives a review of finds of silk and flax fabrics in the graves (Xth–XIth centuries) of Gniezdovo burial place near Smolensk. The author

notes that the silk fabrics were brought in the region from Byzantine and Spain.

И. В. Кураев

ИСТОРИОГРАФИЯ КУРГАНОВ ЯРОСЛАВСКОГО ПОВОЛЖЬЯ

Материалы древнерусских курганных могильников Ярославского Поволжья (Тимеревский, Михайловский, Петровский) являются традиционными источниками при решении вопросов формирования древнерусской государственности на Верхней Волге в IX–XI вв., а уж тем более при обращении к проблеме сложения древнерусской народности. Но, несмотря на пристальное внимание и изучение этих памятников, в отечественной историографии, как правильно было отмечено А.Е. Леонтьевым (Леонтьев, 1991. С. 39), вопрос, поставленный уже почти сто лет назад И.А. Тихомировым, — «Кто насыпал Ярославские курганы?» (Тихомиров, 1906. С. 187), так и остается открытым и актуальным вплоть до сегодняшнего дня.

Отечественными археологами не был сформулирован единый взгляд на их характер, этническую принадлежность и состав населения, оставившего столь замечательные объекты археологических исследований. Сегодня в российской историографии существует множество гипотез и теорий, посвященных процессам, протекавшим в северо-восточном регионе в IX–X вв., но «концептуальная война» все еще продолжается. Возможно, есть смысл подвести некоторый итог длительному изучению курганов Ярославского Поволжья и попытаться систематизировать и охарактеризовать бытующие в историографии концепции, созданные в различные периоды развития отечественной археологии.

В целом историография курганных некрополей Ярославского Поволжья может быть разделена на несколько хронологических перио-

дов. Основой для этого служат: во-первых, разновременные полевые исследования курганных могильников, характеризующиеся своеобразной методикой, что существенным образом сказалось на информативности самих источников; во-вторых, различные научные подходы при интерпретировании археологического материала, бытовавшие в историографические периоды; в-третьих, что представляется самым главным, доминирование определенных концепций, которые являются особенностью каждого этапа.

В настоящей статье рассмотрены лишь первые два историографических периода в изучении погребальной обрядности Ярославских курганных могильников. Хронологически они включают дореволюционные работы и исследования советских ученых довоенных лет. Именно в эти годы в научный оборот были введены материалы из Тимерева и Михайловского, и что самое важное, археологические данные были окончательно признаны в качестве самостоятельного источника.

Итак, первый период изучения курганных групп приходится на конец XIX—начало XX в. (1890–1920 гг.). В это время были проведены первые систематические полевые исследования на территории некрополей и выпущены первые публикации полученных данных с их научными интерпретациями. Методика полевых исследований заключалась в раскопках курганов «колодецем или траншеей».

«Данная статья является как бы первой частью историографического обзора дискуссии по погребальной обрядности Ярославских курганов. Обзор историографии последующих лет, когда на страницах научных изданий развернулась яркая дискуссия по этносоциальной проблематике, не включен по причине лимитированного объема текста. Автор надеется, что возможность публикации второй части обязательно появится в дальнейшем.

* Предпринятая попытка не является первой, в 1978 г. свой взгляд на историографию Ярославского Поволжья представил И.В.Дубов, один из самых активных исследователей Ярославских могильников (Дубов, 1978).

Первооткрывателем, заставившим научную общественность обратить внимание на столь значимые (как выяснилось в дальнейшем) археологические памятники, безусловно, следует считать автора уже упомянутого риторического вопроса — И.А.Тихомирова. Он же был и полевым исследователем, сумевшим провести первые систематические раскопки на территории Тимеревского и Михайловского могильников в конце XIX в. Хотя необходимо заметить, что интерес к Тимеревским курганам пробудился еще в 70-е годы XIX в. На территории Тимеревского комплекса А. Кельсиевым и И.Аспелиным в 1878 г. были раскопаны два кургана, о чем в свое время докладывалось в отчете на Антропологической выставке 1879 г. (*Кельсиев, 1878—1879. С. 306—308*). Результаты своих работ на памятниках опубликовал и В.А.Городцов (*Городцов, 1903. С. 85—87*). Указанные публикации стали своеобразным прологом начала изучения памятников, они еще не были научными работами в полном смысле этого слова и по своему характеру больше относились к разряду изданий отчетов полевых исследований.

Поэтому можно считать, что именно доклады И.А.Тихомирова на II и III областных археологических съездах положили начало научному изучению указанной группы памятников (*Тихомиров, 1906. С. 187—248; 1909. С. 1—98*).

Несмотря на некоторое несовершенство раскопочной методики, дневники И.А.Тихомирова достаточно подробны и информативны, а предложенная концепция вполне традиционна для того периода археологических исследований. Основу научного подхода ученого составил, условно назовем, метод общего описания зафиксированных археологических явлений (в данном случае — погребальной обрядности) и выделения характерных черт археологических объектов (погребений) с последующей их интерпретацией на основании летописных сообщений. Из погребального инвентаря исследователь обратил внимание лишь на наиболее значимые, с его точки зрения, предметы и использовал их только для датировки курганов. В своих работах он использовал материалы из 55 раскопанных им курганов. Следуя бытующей концепции о славянских погребениях исключительно как о трупосожжениях (*Сизов, 1902. С. 8*), И.А.Тихомиров рассматривал только курганы с кремациями, хотя среди исследованных насыпей были и погребения с труположениями (*Тихомиров, 1897*). Исследователь датировал появление курганов в Ярославском Поволжье концом VIII—началом IX в., а прекращение существования могильников отнес

к началу XI в. Приведенные датировки были сделаны по скандинавским и финским украшениям, а также восточным монетам.

Курганы с трупосожжениями исследователь разделил на три группы, исходя из зафиксированного погребального обряда. В первую группу курганов были включены так называемые “пустые” курганы; во вторую — курганы с захоронениями по обряду трупосожжения на месте; в третью — насыпи с трупосожжениями на стороне. При этом исследователь подчеркнул некоторые ритуальные особенности кремаций, а именно: различия погребений по способу и уровню размещения останков умерших. Всего И.А.Тихомиров выделил пять ритуальных различий: помещение костей в урну, в материковую ямку, сгребание в кучу, оставление кострища в нетронутым виде или, когда “остатки сожжения слегка подгробались, образуя пологую кучу-пласт”. Зафиксированные ритуальные различия подчеркивают тот высокий уровень полевых исследований прошлого века при работе с погребальными памятниками, который целенаправленно занижался учеными в советский период (*Станкевич, 1941. С. 59*).

Все три группы курганов с различной погребальной обрядностью И.А.Тихомиров считал в основном славянскими погребениями с некоторыми финскими (мерянскими) чертами в погребальном инвентаре. Автор особенно подчеркнул преобладание в курганах X в. именно скандинавских и финских предметов, но, не находя никаких “специально русских” вещей, назвал их славянскими. Обряд погребения умерших под курганной насыпью, по мнению И.А.Тихомирова, следует признать заимствованным славянами у норманнов, появившихся в Ярославском Поволжье в VIII—IX вв. и захвативших ключевые позиции в формирующемся новом государстве. Им он приписал погребения с мечами и богатым погребальным инвентарем. Для славянских же погребений определяющим признаком, по мнению И.А.Тихомирова, следует считать их малоинвентарность. Кроме того, именно под влиянием скандинавов сформировался у славянского населения обряд сожжения тела умершего на месте сооружения насыпи. Исконно славянским и первоначально исследователем признан обряд трупосожжения на стороне, ссылаясь на летопис-

* Возможно, сегодня пришло время отказаться от мифа советского периода в нашей историографии, когда всем дореволюционным исследованиям приписывался “несистематичный и случайный характер”, а старая методика раскопок курганов “гарантировала” плохо выясненный характер обряда погребения.

ные описания. Время появления славян на данной территории И.А.Тихомиров отнес к IV в. (в крайнем случае, не позднее VI в.). Основанием для подобного заключения послужили исключительно письменные источники. Отсутствие могильников славян на данной территории в более раннюю эпоху (если уж они появляются здесь в IV—VI вв.) объяснено И.А.Тихомировым опять же описанной в летописи обрядностью, когда остатки сожжения размещались “на столбах и на путях”, что, конечно же, не могло быть зафиксировано археологически (*Тихомиров, 1906; 1909*).

Мнение И.А.Тихомирова о датировке и славянской принадлежности большинства курганов совпало с точкой зрения В.А.Городцова, работавшего на территории Михайловского могильника в 1901—1902 гг. Он датировал могильник VIII—X вв., отметив его “чисто славянский характер” с некоторыми элементами финского присутствия (*Городцов, 1903. С. 17—18*).

Трактовка “пустых” курганов И.А.Тихомирова во многом перекликается с концепцией В.И.Сизова, издавшего материалы своих раскопок в Смоленской губ. (*Сизов, 1902. С. 29*). И.А.Тихомиров сослался на свидетельство Ибн Даста, согласно которому урна с прахом умершего размещалась не в насыпи или под нею, а непосредственно на насыпи, что как бы само собой предполагает невозможность ее сохранения до наших дней (*Тихомиров, 1909. С. 36—39*).

Изменение состава погребального инвентаря (сокращение его в захоронениях, увеличение малоинвентарных погребений, доминирующих в XI в.) автор объяснил динамикой политической ситуации в Древнерусском государстве. Изгнание варягов привело к тому, что они были или ассимилированы преобладающим на данной территории славянским населением, или были вынуждены вообще эмигрировать. Появление норманнов в Ярославском Поволжье И.А.Тихомиров считал связанным с необходимостью ведения торговли по Волжскому пути, с норманнами связанным также и находки арабских монет в погребениях (*Тихомиров, 1909. С. 93*).

Описывая погребальную обрядность Ярославских курганов, И.А.Тихомиров не мог обойти вниманием столь характерную для данного региона категорию погребального инвентаря, как глиняные лапы. По его мнению, находки глиняных лап в погребениях отражали бытовавший на данной территории среди славянского населения культ медведя и являлись имитацией медвежьих лап. Для аргументации этого суждения снова были использованы строки из Повести временных лет (*Тихомиров, 1906. С. 204*).

Отдельно была рассмотрена И.А.Тихомировым проблема племенной принадлежности славянских переселенцев. Уже упомянутое появление славян в IV—VI вв. произошло, по его мнению, с летописных территорий вятичей и кривичей, подтверждением чему служат погребальная обрядность (трупосожжения на стороне для кривичей) и присутствие “вятичских говоров” у современного И.А.Тихомирову населения. Здесь следует отметить, что исследователь практически поддержал гипотезу А.А.Спицына о заселении всего северо-восточного региона Древней Руси кривичами (*Спицын, 1905. С. 84—172; 1906. С. 1—7*). В дальнейшем в работе “Славянское заселение Ярославской губернии”, вышедшей значительно позже, И.А.Тихомиров радикальным образом изменил свою точку зрения и вслед за Е.В.Барсовым (*Барсов, 1902*) поддержал мнение о новгородской колонизации, отводя кривичам лишь второстепенную роль (*Тихомиров, 1914. С. 75—76*).

Исследователем была также сделана попытка проанализировать погребальный обряд, как проявление духовной жизни общества. Распространенный среди славян обряд трупосожжения И.А.Тихомиров посчитал проявлением культа умершего, чья “тень-душа отправляется с огнем и дымом в жилище божества на небо” (*Тихомиров, 1909. С. 48*).

Итак, уже в одной из первых научных работ, посвященной курганам Ярославского Поволжья, был очерчен тот круг проблем, которые стали предметом жестких дискуссий в археологической науке на протяжении всего XX столетия. В первую очередь речь идет о следующих темах:

- датировка курганов Ярославского Поволжья;
- этническая интерпретация курганных комплексов;
- роль и значение скандинавов для данной территории;
- Волжский путь, так или иначе связываемый с присутствием норманнов;
- племенная принадлежность славянских переселенцев и направление славянской колонизации;
- глиняные лапы как феномен погребальной обрядности Северо-Восточной Руси и Ярославского Поволжья; в последующие историографические периоды к этому вопросу добавилась еще проблема интерпретации глиняных колец, которые в значительном количестве случаев были обнаружены вместе с лапами;
- формирование древнерусской народности в условиях формирующейся государственности;

— погребальная обрядность как проявление духовной жизни общества, отражение мировоззренческих установок древних людей.

После выхода второй части доклада И.А.Тихомирова в 1909 г. в отечественной истории изучения курганов Ярославского Поволжья наступил длительный период “забвения”. На памятниках до конца 1930-х годов более не проводились систематических раскопок отечественными археологами¹.

Но материалы, опубликованные И.А.Тихомировым, заинтересовали зарубежных археологов, и в 1913 г. на территории Михайловского курганного некрополя были произведены раскопки 18 насыпей под руководством шведского археолога Т.Арне. Уже само название его публикации “Шведские погребения в Ярославской губернии” говорит само за себя. Приведя в своей статье краткие описания раскопанных комплексов и некоторых категорий погребального инвентаря, Т.Арне считал, что погребения в Михайловском оставлены шведами переселенцами (подобное заключение было и в отношении Тимеревских погребений). Возникновение курганного могильника исследователь отнес к 900–м годам н.э. Сам факт появления скандинавов в Ярославском Поволжье, по мнению Т.Арне, можно было связывать с торговлей по Волжскому пути (Arne, 1918. S. 31–47). Методика проведения исследований и научные подходы при интерпретации полученного материала Т.Арне во многом были аналогичны работам И.А.Тихомирова.

Подводя итоги первому (дореволюционному) этапу изучения Ярославских могильников, следует отметить, что, несмотря на проводившиеся на памятниках работы и полученные результаты, данные археологии еще во многом являлись вспомогательными и большинство историков более опиралось на сообщения летописей и лингвистические материалы, отводя археологии второстепенную роль. Но основные “археологические” открытия по проблеме погребальной обрядности в IX–XI вв. в Ярославском Поволжье были сделаны именно в этот период. Немаловажным представляется и то, что к концу XIX началу XX в. в отечественной историографии сформировалось мнение — “норманское происхождение Древнерусского государства нужно считать доказанным”

(Шаскольский, 1978. С. 152–153) и все археологические материалы лишь подчеркивают их ключевые позиции в новом государстве. Эту точку зрения поддержал в своих работах и И.А.Тихомиров.

Научные подходы и методы работы с археологическим материалом, примененные И.А.Тихомировым, использовались и в последующие периоды, хотя, конечно же, были дополнены новой методикой. Несовершенство методики проведения тех полевых исследований особенно остро ощущено из-за отсутствия в тот период четкой терминологии при фиксации археологических явлений, она сформировалась значительно позднее. Но во многом работа И.А.Тихомирова стала своеобразным фундаментом для выработки новых методов атрибуции археологических объектов и явлений.

Политические изменения в стране после 1917 г. заставили отечественных археологов “забыть” на некоторое время о существовании памятников под Ярославлем. Лишь в 1929 г. памятники Ярославского Поволжья привлекли внимание Ю.В.Готье. Историк отметил идентичность погребений Михайловского и Тимерева курганов из раскопок А.С.Уварова и курганам Смоленской губернии (Гнёздово). Именно это позволило Ю.В.Готье сделать вывод о кривичской колонизации Ярославского Поволжья и всего Северо-Восточного края. Помимо вещей в погребальном инвентаре, обе территории, по мнению ученого, похожи по динамике смены трупосожжений X в. труположениями XI в. Возникновение памятников исследователь связал с функционированием в X в. Волжского торгового пути. Кривичская колонизация, считал исследователь, проходила параллельно с норманнской, и в составе славянских поселений (в частности, Михайловского) могли существовать норманнские колонии или фактории, о чем свидетельствовали “сильные норманнские элементы” в погребальном инвентаре. По мнению Ю.В.Готье, археологический материал Ярославских могильников не давал основания считать присутствие новгородских словен аналогичным кривичскому (Готье, 1929. С. 140–142).

Характерная методика исследования Ю.В.Готье — общее описание ярких археологических явлений при опоре в исторических интерпретациях на письменные источники, а также следование в данном вопросе норманистской концепции старой школы историков, ярким представителем которой он являлся, позволяет отнести его работу (в содержательном, а не в хронологическом плане) к дореволюционному периоду изучения памятников.

В конце 1930-х годов начинается второй период в исследовании Ярославских курганных могильников. Отправной датой периода можно считать 1938–1939 гг., когда на территории памятников (Тимерево и Михайловское) были проведены очередные раскопки курганов под руководством Я.В.Станкевича. Оканчивается второй период в 1959 г. новыми раскопками, но произведенными уже сотрудниками Государственного Исторического музея и Института археологии АН СССР.

В этот период были существенно изменены полевая методика проведения раскопок и система составления полевой документации. Раскопки курганов проводились уже “на снос”, а полевые отчеты стали отличаться от прежних, прежде всего, разработанной терминологией описания археологических объектов, в частности — погребальных комплексов, полевыми планами с подробными описаниями стратиграфических разрезов (Станкевич, 1938–1939). Были значительно модернизированы и усовершенствованы научные подходы при интерпретации археологических данных. К используемому прежде методу описания была добавлена методика археологической атрибуции конкретных погребальных комплексов, что использовалось при формировании концепции исторического развития региона. Курганный погребение стало рассматриваться исследователями уже, как комплекс-система, с присущими ему взаимосвязанными элементами погребальной обрядности и инвентаря, которые изучались как по отдельности, так и в качестве общей совокупности признаков конкретного погребения. Археологические источники перестали восприниматься исследователями как второстепенные, а привлекались к аргументации наряду с письменными.

Отличительной чертой второго периода изучения курганов Ярославского Поволжья стала также разработанная Я.В.Станкевичем и Н.Н.Вороным “патриотическая концепция” раннесредневековой истории, согласно которой курганные могильники были признаны исключительно славянскими при практически полном отсутствии инородных элементов. Для этого двадцатилетия характерен и жесткий антинорманизм, отвергающий присутствие скандинавов среди населения, оставившего Ярославские погребения. Важным нововведением стало и принятие в археологию “классового подхода”, на основании которого различия в погребальной обрядности объяснялись исключительно с позиций социального и имущественного положения погребенных (Станкевич, 1941. С. 56–88; Воронин, 1941. С. 150–189).

Для этого периода характерен и ряд негативных тенденций: во-первых, ошутимое идеологическое давление на исследователей со стороны государства, выразившееся в некоторой тенденциозности разработанных концепций; во-вторых, — негативное восприятие всего, что было сделано в дореволюционный период. Общественные настроения, в более мягкой форме, и на протяжении всех последующих историографических периодов за исключением 1990-х годов.

Резкое возрождение в конце 1930-х годов интереса к “подзабытым” памятникам, вероятно, объясняется тем, что согласно новой теории исторического развития Ростово-Суздальские земли были признаны “одним из важнейших центров русского средневековья, особенно при разрешении вопросов этногонии русского народа” (Станкевич, 1941. С. 56).

Возможно, интерес к Ярославским памятникам был спровоцирован также статьей финского археолога Е.Кивикоски, вышедшей в 1934 г. (Kivikoski, 1934. S. 381–391) и посвященной проблеме глиняных лап, обнаруженных в Ярославском Поволжье и на Аландских островах. В ней финская исследовательница впервые отметила, что лапы имели исключительно ритуальное значение и предназначались лишь для погребений². Ссылаясь на публикацию другой финской исследовательницы А.Хакман,шедшей лапы на Аландах, Е.Кивикоски пришла к заключению, что они появились на Аландских островах из центральной России в результате активных контактов Скандинавии и Восточной Европы в эпоху Викингов. В своей работе Е.Кивикоски впервые применила естественнонаучный подход для определения зоологической классификации лап, которая базировалась на заключении экспертов. Из 10 глиняных муляжей 2 экземпляра были определены как бобровые лапы, 2 — как медвежьи, 1 — в качестве собачьей лапы и 1 экземпляр представлял собой имитацию человеческой руки³ (Kivikoski, 1934. S. 381–391).

Результаты полевых исследований 1938–1939 гг. были опубликованы Я.В.Станкевичем в концептуальной статье “К вопросу об этническом составе населения Ярославского По-

¹ На сегодняшний день это единственный постулат, который никто не оспаривает, обращаясь к проблеме глиняных звериных лап, обнаруженных в Ярославских курганах.

² К результатам зоологического определения, которые были получены Е.Кивикоски, постоянно обращались отечественные археологи, отстаивающие различие (противоречие друг другу) гипотезы о культуре, отражением которой признаются глиняные имитации в погребениях.

¹ Речь не идет о “разовых работах”: в 1908 г. 2 кургана Тимеревского могильника и 9 курганов Петровского были раскопаны И.С.Абрамовым; на территории Михайловского раскопки проводились в 1910 г. кадетским корпусом — количество исследованных насыпей неизвестно; в 1921 г. небольшие раскопки (4 кургана) были осуществлены Д.Н.Эдингом.

волжья в IX—X ст.” (*Станкевич*, 1941. С. 56—88). Следует также отметить, что в том же сборнике была опубликована работа Н.Н.Воронова “Медвежий культ в Верхнем Поволжье в XI в.” (*Воронов*, 1941. С. 150—189). Обе работы полностью выдержаны в духе господствующей в историографии теории автохтонности и стадильности развития древних обществ.

Уже отмеченное вынужденное следование идеологическим установкам времени во многом предопределило систему подачи материала и аргументации. С первых же строк Я.В.Станкевич обрушилась с жесткой критикой теорий и концепций, которые были созданы историками и археологами “старой школы”. Первым вменялось в вину отсутствие конкретности и определенности, а также опора на сомнительные лингвистические и летописные данные; вторым — уже упомянутые несистематичность исследований и случайный характер проводимых раскопок, а также “плохо выясненный характер погребальной обрядности в связи со старой методикой раскопок” (*Станкевич*, 1941. С. 59). Но сегодня представляется необходимым реабилитировать работы ученых дореволюционного периода. Конечно же, методика раскопок “траншеи или колодезь” уступала методике советского времени и сегодняшних дней — “на снос”. Но как уже было отмечено, уровень полевой документации И.А.Тихомирова достаточно высок и уступает дневникам Я.В.Станкевич лишь в одном: в них отсутствует четкая терминология описания археологических объектов (в личных дневниках И.А.Тихомирова приведены даже схематичные зарисовки практически всех раскопанных курганов) (*Тихомиров*, 1897—1898). Здесь также стоит обратить внимание на тот факт, что Я.В.Станкевич в своей работе приводит данные по 85 комплексам из Михайловского и 45 комплексам из Тимерева, из которых за 1938—1939 гг. было раскопано 25 курганов в Михайловском и 26 в Тимереве. Аргументация статьи во многом построена на данных Михайловских курганов, большая часть которых к 1941 г. была раскопана И.А.Тихомировым. И “низкий” уровень его полевых дневников позволил Я.В.Станкевич сделать основные выводы в ее концепции.

Конечно же, высказанные Я.В.Станкевич критические замечания по вопросу оценки работ дореволюционного периода ничуть не умаляют ценность ее статьи. Все высказанное лишь указывает на отрицательные стороны в развитии отечественной археологии, особенно в те годы, когда научная ценность той или иной работы, а уж тем более возможность ее

публикации зависели от соответствия идей автора господствующей в обществе идеологии.

Помимо того, что в статье Я.В.Станкевич была изложена совершенно новая концепция истории Ярославского Поволжья в раннем средневековье, несомненной заслугой автора следует признать публикацию не только собственных полевых отчетов, но и дневников И.А.Тихомирова за 1897 и 1898 г. по Михайловскому могильнику. Статья Я.В.Станкевич стала своеобразным источником с новыми данными, полученными в результате полевых исследований, что, естественно, расширило круг ученых, которые могли к ним обратиться.

Во вступительной части статьи, где рассмотрены основные источники, Я.В.Станкевич впервые в историографии упоминала о раскопанных И.А.Тихомировым 25 насыпях за линией железной дороги рядом с Михайловским (в личных дневниках И.А.Тихомирова эти курганы названы “Лесными” (*Тихомиров*, 1897—1898)). Я.В.Станкевич интерпретировала их как могильник XI в. с труположениями и однородным, бедным инвентарем. Ее точка зрения на эти курганы, как на более поздний этап существования Михайловского, признается в историографии верной и до сих пор (*Дубов*, 1985. С. 81).

Основным же типом обряда, который зафиксирован в курганах Михайловского и Тимерева могильников, Я.В.Станкевич, как и прежние авторы, считала обряд трупосожжения. Для обоих некрополей выделены наиболее ранние группы курганов с кремациями, образующие древние “ядра, вокруг которых нарастали курганы более позднего времени”. В Михайловском это северо-восточная часть курганной группы, в Тимереве “более древние курганы расположены на возвышенной гряде, тянущейся по центральной части могильника в направлении с СВ на ЮЗ”. Очевидным новшеством представляется тот факт, что Я.В.Станкевич обратила внимание на такую особенность курганов, как наличие ровиков различной глубины, которые, по ее мнению, “образовывались при выемке земли для сооружения насыпи...” (*Станкевич*, 1941. С. 60). Какого-либо ритуального значения ровиков автор не придавала.

Кремации Я.В.Станкевич разделила на трупосожжения на стороне и трупосожжения на месте сооружения насыпи. Причем, если ранее исследователи просто констатировали факт наличия двух групп курганов с различными видами кремаций (*Тихомиров*, 1906. С. 187—248), то в данном случае был предложен вполне конкретный признак, по которому произведено

разделение погребений (наличие или отсутствие под насыпью кострища). Обе группы курганов с сожжениями признаны славянскими. Для курганов с трупосожжениями на стороне аргументом в данном случае являются сообщения летописи и аналогии по ритуальным деталям (помещение остатков кремации на стороне в материковую ямку) в длинных курганах и сопках, которые априори признаны славянскими памятниками. Указывая на наличие в Михайловском могильнике курганов, содержащих несколько захоронений, среди которых обнаружены кремации на стороне, исследовательница трактовала их как пережиток более “древнего бычая захоронения в общей родовой усыпальнице, наблюдаемого у всех северных славянских народов” (*Станкевич*, 1941. С. 64), и тем самым возводила погребальную традицию Михайловского к новгородским сопкам.

Курганы с кремациями на месте, выделенные во вторую группу, по мнению Я.В.Станкевич, составляют по сравнению с курганами с кремациями на стороне явное меньшинство от общего числа раскопанных курганов. Выделенные ритуальные особенности обращения с остатками сожжений в кургане полностью совпадают с теми, которые выделял И.А.Тихомиров (*Тихомиров*, 1906. С. 187—248): рассеивание кальцинированных костей по площади кострища, помещение в ямку, в урну, вынос в насыпь кургана, сгребание в кучу на кострище. Применение новой методики раскопок насыпей “на снос” сделало возможным для Я.В.Станкевич зафиксировать в курганах с трупосожжениями на месте обгоревшие деревянные конструкции — “срубы”, реконструировать назначение которых ей не удалось из-за сильного повреждения их огнем. Стоит заметить, что в дальнейшем эти “срубы” стали своеобразным краеугольным камнем, на котором выстраивались гипотезы об этнической принадлежности погребенных в Ярославских курганах (*Булкин*, *Дубов*, *Лебедев*, 1978. С. 120—123).

Здесь уместно вспомнить, что И.А.Тихомиров появление обряда кремации на месте связывал с появлением скандинавов (*Тихомиров*, 1909. С. 37). Но Я.В.Станкевич, сославшись на мнение А.А.Спицина о ненорманнском характере урновых кремаций на месте в Гнёзловских курганах (*Спицин*, 1905. С. 6), развила его предположение, сравнив ярославские курганы со шведскими погребениями в Бирке. С ее точки зрения, “по ряду признаков они (шведские погребения. — И.К.) отличны от наших погребений” (*Станкевич*, 1941. С. 64). О каких признаках идет речь, в статье не уточнено.

Обе группы курганов (кремации на стороне и на месте) признаны хронологически современными. Подтверждением этому, по мнению исследовательницы, служат: идентичный погребальный инвентарь и находки кремаций на месте и на стороне под одной насыпью. Как уже говорилось, именно подобные курганы признаются самими древними. В составе насыпей исследовательница отметила неоднородные подсыпки и подзахоронения, что делает их похожими на сопки Новгородской области. Обнаруженные деревянные и каменные конструкции в “сопковидных” курганах Михайловского, с точки зрения Я.В.Станкевич, лишь подтверждают взаимосвязь памятников Ярославского Поволжья с древним славянским населением Новгородских земель (*Станкевич*, 1941. С. 66).

Что же касается “пустых” курганов и погребений по обряду труположения, то о них автор упоминает лишь мимоходом. Существование “пустых” объясняется, как и прежде: разрушенные или недоисследованные, а также “памятные” сооружения в честь погибшего (*Станкевич*, 1941. С. 66).

Труположения рассмотрены только в случаях их совместного обнаружения с трупосожжениями, на основании чего Я.В.Станкевич сделала вывод о возможном коротком сосуществовании этих двух обрядов. Исследовательница не высказала собственной точки зрения о характере и динамике изменения погребальной обрядности (смены кремаций ингумациями), а сослалась на мнение В.А.Гордцова, считавшего подобные различия признаком социальной дифференциации, когда сожжение применялось лишь состоятельным слоем населения (*Станкевич*, 1941. С. 66).

Отличительной особенностью статьи Я.В.Станкевич (при сравнении с первой публикацией материалов могильника И.А.Тихомировым) следует признать подробный разбор погребального инвентаря.

Среди вещей исследовательница в первую очередь обратила внимание на глиняные лапы и кольца. Проанализировав погребения с подобными находками, она пришла к однозначному заключению “о существовании у некоторых славянских племен в VIII—X вв. культа медведя, что находило соответствующее отражение в обряде погребения” (*Станкевич*, 1941. С. 69).

Аргументация этого положения построена следующим образом. Во-первых, Я.В.Станкевич выделила два наиболее древних, с ее точки зрения (VIII в. — И.К.), комплексы с погребениями, содержащими глиняные лапы. Для инвентаря и обрядности выделенных курганов

приведены аналогии из захоронений в сопках, на основании чего сделано заключение о "словенской принадлежности" комплексов. Особо подчеркнута отсутствие предметов скандинавского происхождения. Во-вторых, объясняя находки лап за пределами СССР, автор упомянула лишь один могильник на Аландах, что как бы само собой подразумевает первостепенность северо-восточного региона Древней Руси, на территории которого они обнаружены в большом количестве погребальных памятников. Кроме того, исследовательница привела заключение Е.Кивикоски о лапах как неперменном атрибуте погребальных памятников в IX—X вв. на территории России (*Kivikoski*, 1934. С. 381—391). В-третьих, рассматривая инвентарь сопки Новгородской земли, Я.В. Станкевич выделила случаи обнаружения в погребениях фаланг медведя, что, с ее точки зрения, являлось проявлением того же медвежьего культа.

Большинство курганов Михайловского и Тимеревского могильников, в которых были обнаружены глиняные лапы и кольца, датированы Я.В. Станкевич IX—X вв. Наличие лап и на Аландских островах Я.В. Станкевич объяснила тем, что "медвежий культ представляет собой явление стадиального порядка, характерное для целого ряда народов Северной Европы и Азии" (*Станкевич*, 1941. С. 70). Именно поэтому все попытки увязать культ медведя (но не сами находки лап) с какой-либо одной народностью признаны неверными. Это замечание представляется косвенной критикой гипотезы Е.Кивикоски, предполагающей присутствие выходцев из северо-восточного региона Руси на Аландских островах (*Kivikoski*, 1934. С. 381—391). Такое мнение было неприемлемо для 1940-х годов в отечественной историографии. И не только потому, что точка зрения Е.Кивикоски отражала позиции теории "культурных миграций", противоречащей "теории стадиальности". Но, что представляется сегодня более важным, — присутствие выходцев из Руси на Аландах, аргументированное находками глиняных лап в погребальных комплексах, вынудило бы отечественных археологов согласиться со значительным присутствием варягов на Руси уже на основании находок скандинавских вещей в древнерусских курганных погребениях. В дополнение к собственной точке зрения Я.В. Станкевич привела ссылку на статью Н.Н. Воронина, опубликованную в этом же сборнике и отстаивающую сходную точку зрения (*Воронин*, 1941. С. 150—189).

В обзоре погребального инвентаря, сделанного Я.В. Станкевич, стоит также обратить вни-

мание на ее позиции по вопросу о скандинавских и мерянских вещах в погребениях (*Станкевич*, 1941. С. 71—75).

Из мерянских предметов наибольшее внимание уделено шумящим привескам. Я.В. Станкевич пришла к заключению, что мерянские вещи в Михайловском могильнике единичны и сосредоточены только в женских погребениях, а в Тимереве они вообще отсутствуют.

Среди вещей скандинавского происхождения, конечно же, в первую очередь Я.В. Станкевич рассмотрела скорлупообразные фибулы. И снова было сделано заключение о единичности находок и отсутствии в могильниках бесспорно скандинавских комплексов. В качестве аналогий Я.В. Станкевич привлекла лишь материалы, обнаруженные на памятниках, расположенных на территории Древней Руси, — Гнёздовские и Приладожские курганы, находки в Киеве и Новгороде. Подобная система аналогий, столь характерная для данного периода в отечественной историографии славяно-русской археологии (*Авдусин*, 1948), возможно, использовалась не только по причине ограниченной доступности для отечественных археологов работ их зарубежных коллег*. Более вероятным представляется иное объяснение сложившегося положения — целенаправленное формирование представления о характерности скандинавских вещей славянским погребениям и их "торговым" происхождением на территории Руси в IX—X вв. Эта теория о скандинавских импортах в славянских комплексах полностью соответствовала идеологии времени: все вокруг славяне — негласный "патриотизм", хотя он официально и осуждался как великодержавный шовинизм; присутствие импортов — высокий уровень торговых связей, что предполагает достаточно высокий уровень экономического развития, — соответствующее формационное состояние общества (распад родо-племенных отношений, зарождение феодализма, формирующего государственность), что полностью соответствовало марксистско-ленинской теории об экономических формациях, взятой за основу научного подхода в исследованиях археологами советского времени.

И другие рассмотренные категории инвентаря: оружие, поясные наборы, костяные гребни, подвески, копоушки, височные кольца, бубенчики и пр. — были причислены Я.В. Стан-

* На ограниченный доступ к результатам зарубежных исследований в период 1940—1950-х годов указывают и исследователи, занимающиеся историей археологии как науки (*Мерперт*, 1995. С. 14).

кевич к славянской культуре этого периода (*Станкевич*, 1941. С. 82).

В общем виде созданная Я.В. Станкевич концепция заключалась в следующем: Михайловская и Тимеревская курганные группы — некрополи рядового земледельческого поселения, в которых изредка встречаются погребения знати, купцов и воинов. Гипотезы о "торговых факториях" и "норманской" верхушке древнерусского общества (*Тихомиров*, 1909. С. 93; *Arne*, 1918. С. 31—45; *Готье*, 1929. С. 140—142) были полностью отвергнуты. По мнению Я.В. Станкевич, курганы были оставлены пришлым славянским населением, появившимся в Ярославском Поволжье, вероятнее всего, во второй половине VIII в. Наличие в составе Михайловского могильника больших "сопковидных" насыпей (Я.В. Станкевич называла их сопками и датировала по монетам второй половиной VIII в.), которые были признаны самими древними и идентичными сопкам Новгородских земель, позволило сделать предположение о северо-западном направлении славянской колонизации. Более поздние погребения IX—X вв. были разделены на две группы. Первую из них составили комплексы с бедным инвентарем, глиняными лапами, редкими украшениями, славянской керамикой древних форм. Эта группа объединяла большинство погребений. Вторая группа была представлена комплексами с более разнообразным инвентарем, среди которого "наряду с местными изделиями встречаются привозные вещи среднешведского и восточного стилей" (*Станкевич*, 1941. С. 83). Различие двух групп объяснялось Я.В. Станкевич социальными и имущественным неравенством погребенных. Опираясь на обнаруженные в комплексах восточные монеты с ранними датами, Я.В. Станкевич сделала вывод о налаживании торговых связей с Востоком ранее, чем с Западом.

Исследовательница допускала возможность существования скандинавских погребений среди неисследованных курганов, но среди раскопанных насыпей она не выделила ни одного бесспорно скандинавского захоронения. Обнаруженные женские мерянские украшения в единичных курганах целыми наборами, по мнению Я.В. Станкевич, указывали на факт "некоторого смешения славянского населения и мерянского, а именно наличия отдельных женщин-мерянок у пришельцев-славян" (*Станкевич*, 1941. С. 83).

Поздние захоронения (труположения), с точки зрения исследовательницы, лишены раз-
подтверждают славянский характер погребений — в них не обнаружено ни скандинав-

ских, ни мерянских предметов (*Станкевич*, 1941. С. 83).

Подводя итоги анализа работы Я.В. Станкевич, следует отметить в первую очередь, что структура статьи была подчинена необходимости публикации новых данных, полученных в результате полевых исследований 1938—1939 гг. И с этой задачей она справилась блестяще. Я.В. Станкевич не только опубликовала археологические материалы своих изысканий, но и систематизировала результаты работ И.А. Тихомирова, сделав их более доступными. Этим работа Я.В. Станкевич ошутимо отличается от всех предыдущих публикаций, как сугубо археологическое исследование. Теория ранней истории Ярославского Поволжья, созданная исследовательницей, опирается исключительно на археологические источники; летописные сообщения использованы Я.В. Станкевич в качестве вспомогательных данных. Аналогичная структура и методика публикации археологических данных использовались и в последующие периоды изучения погребальной обрядности Ярославских курганов (Ярославское Поволжье, 1963).

Что касается научного подхода к интерпретации археологических данных, то к методике простого описания археологических объектов Я.В. Станкевич добавила метод археологической атрибуции конкретного погребения-комплекса с анализом элементов погребальной обрядности и инвентаря в общей совокупности. В отдельные разделы статьи были вынесены обзоры категорий погребального инвентаря, который не только привлекался для датировок погребения, но и рассматривался с точки зрения определения и выделения соответствующих погребальных наборов, характерных для различных типов погребений, дифференцированных в соответствующие половозрастные, социальные и этнические группы населения.

Введение методических новшеств в научную обработку данных во многом было предопределено изменениями в методике проведения полевых исследований. Я.В. Станкевич раскапывала курганы "на снос", составляя подробные описания и планы-чертежи исследованных погребений. Это в свою очередь увеличило информативность курганного погребения, как объекта научного исследования. Исследовательница также обратила внимание на ряд вопросов, которым ранее не придавалось значение: это — внешний вид и размеры курганных насыпей, наличие кольцевых ровиков, микропография курганного могильника как отдельного взятого археологического памятника. Рас-

считывая микротопографию могильников и выделяя их древние ядра, состоящие из самых ранних погребений, Я.В. Станкевич предложила свою гипотезу “разрастания” некрополей, чего не делалось ранее.

Сформулированная Я.В. Станкевич концепция о курганных могильниках Ярославского Поволжья стала доминирующей в отечественной науке на долгие годы (почти на двадцать лет). В статье были рассмотрены практически все проблемы, упомянутые в начале очерка, и по каждой из них заявлена аргументированная позиция.

Безусловным новшеством можно считать введение Я.В. Станкевич в археологию Ярославского Поволжья “классового подхода”, когда различия в погребальных наборах инвентаря объясняются социальной и имущественной дифференциацией общества, — в погребальном обряде “находит свое выражение процесс распада родового общества и выделения наиболее обеспеченного слоя населения” (Станкевич, 1941. С. 83).

Заметной особенностью публикации является резкий антинорманистский подход исследователя при этнической атрибуции погребений. Однако в данном случае Я.В. Станкевич, создавая собственную теорию расселения славян в Ярославском Поволжье, была ограничена рамками господствующей концепции, сформулированной под давлением государственной идеологии.

Столь тщательный разбор статьи Я.В. Станкевич обусловлен тем обстоятельством, что выход ее публикации относится к периоду в отечественной историографии русско-славянской археологии, когда были разработаны основные методы полевых исследований и научных подходов при обработке полученных данных, сформулированы главные позиции и взгляды на историю Древней Руси, предопределившие дальнейшее развитие археологической науки в последующие периоды. Многие из того, что было сформулировано Я.В. Станкевич, прозвучало в последующих работах, а именно: “торговая” теория проникновения скандинавских предметов (Фехнер, 1963б. С. 75—86; Дубов, 1982. С. 57); конвергентное развитие медвежьего культа в Северо-Восточной Руси и на Аландских островах (Дубов, 1982. С. 27); трактовка памятников как земледельческих поселений (Недошивина, 1963. С. 24—31); топографические наблюдения (Дубов, 1985. С. 80—100); объяснения различий в погребальной обрядности на основании социальной и имущественной дифференциации (Фехнер, 1963а. С. 5—19) и многое другое.

Вышедшая одновременно со статьей Я.В. Станкевич работа Н.Н. Воронина отличается и методикой исследования, и структурой публикации. Проблемный характер публикации позволил Н.Н. Воронину привлечь более широкий круг источников, а именно: письменные свидетельства, археологические материалы и даже данные геральдики (Воронин, 1941. С. 150—189). Также автор освобожден от необходимости публикации археологических данных. Исследование Н.Н. Воронина представляет собой публикацию заранее сформулированной теории с подбором аргументов, базирующихся на различных видах источников.

С работой Я.В. Станкевич публикацию Н.Н. Воронина объединяет “автохтонная и стадияльная теория Марра”, положенная в основу создаваемой концепции истории данного региона (Воронин, 1941. С. 150—189). Выдвинутые положения и их аргументация также во многом повторяют тезисы Я.В. Станкевич.

Уже с первых строк автор постулировал “факт наличия в Ярославском Поволжье в XI в. явно выраженного медвежьего культа”, что в свою очередь явилось аргументом в пользу теории о славянской колонизации данного региона из Новгородских земель, ведь именно у словен, с точки зрения Н.Н. Воронина, был распространен культ медведя (Воронин, 1941. С. 150). В теории Н.Н. Воронина глиняные лапы были представлены, как отражение тотемного культа медведя — праотца большой семьи. В рамках созданной концепции исследователь трактовал глиняные кольца как подношение медведю-покровителю (Воронин, 1941. С. 166). Следует отметить, что Я.В. Станкевич в своей работе лишь мимоходом упомянула о случаях обнаружения глиняных колец отдельно и совместно с лапами, никак не объяснив их присутствие в погребениях (Станкевич, 1941. С. 69).

Развивая теорию стадийности, Н.Н. Воронин указывал на возможность существования медвежьего культа и у финно-угорских племен, и у скандинавов. В частности, им были отмечены проявления культа у финно-угорских племен Восточной Европы — грунтовые погребения с фалангами медведя в Подболотьевском могильнике, у скандинавов — упоминания медведя как сакрального животного в сагах. Обнаруженные муляжи лап на Аланд-

* Что особенно интересно, единственное конкретное указание о совместной находке глиняной лапы и кольца относится к погребению из Петровского могильника — единственному упоминанию могильника в статье Я.В. Станкевич и первому в историографии.

ских островах, с точки зрения Н.Н. Воронина, лишь служат аргументами его теории конвергентного развития культа, согласно которой “медвежий культ не является принадлежностью исключительно финских племен, но характерен для древнейших религиозных представлений ряда народов лесной полосы Евразии, в том числе и славян Севера” (Воронин, 1941. С. 168).

Обращение к работе Н.Н. Воронина, затрагивающей проблемы археологической интерпретации погребальных комплексов Ярославского Поволжья лишь косвенным образом, представляется необходимым в виду того, что его статья стала существенным дополнением к теории Я.В. Станкевич. В дальнейшем практически все археологи, работавшие с материалами Ярославских курганов, были вынуждены рассматривать работу Я.В. Станкевич в совокупности с публикацией Н.Н. Воронина. Кроме того, именно теория Н.Н. Воронина о конвергентном развитии медвежьего культа у населения Восточной Европы и Фенноскандии (правда, уже финно-угорского населения) получила свое “второе рождение” в 1970—1980 гг. в работах И.В. Дубова (Дубов, 1982. С. 27).

Долгое время теория Я.В. Станкевич оставалась доминирующей. Лишь в 1948 г. она была несколько подкорректирована Д.А. Авдусиным (Авдусин, 1948). Он пересмотрел предложенные Я.В. Станкевич датировки Михайловских курганов. Передатировке, прежде всего, подверглись “ранние” комплексы VIII в., ввиду того что исследовательница не обратила внимание на наличие в них вещей более позднего времени. Д.А. Авдусин отнес большинство курганов к X в. и только три комплекса Михайловского признал возможным считать погребениями IX в. Рассуждая о характере курганных некрополей, Д.А. Авдусин выдвинул гипотезу, что это были могильники Ярославля. В плане научного подхода к археологическим данным Д.А. Авдусин использовал те же методы археологической атрибуции погребений, которые применялись Я.В. Станкевич (Авдусин, 1948).

В заключение статьи имеет смысл перечислить все этапы изучения Ярославских курганов и их отличительные черты и особенности несмотря на то, что работы послевоенных лет, как уже отмечалось, не были включены в обзор.

На первом этапе (1890—1920 гг.) были исследованы первые систематические полевые ис-

* Аналогичное заключение было сделано и в отношении гнёздских курганов, которые были названы курганным некрополем Смоленска.

следования на территории Михайловского и Тимеревского могильников. Полевые работы базировались на методике раскопки курганов траншеей или колодезем. Для полевых отчетов было характерно отсутствие должной терминологии при описании археологических объектов (курганов) и планов. Научный анализ полученных данных основывался на методе общего описания зафиксированных археологических явлений (погребальной обрядности и инвентаря) и выделения наиболее ярких и характерных черт археологических объектов (погребений) с последующей их интерпретацией с привлечением письменных источников. С историко-ведческой точки зрения, археологические материалы еще не признаются в качестве самостоятельного исторического источника. Исследователи постоянно ищут подтверждение им в письменных сообщениях. В концептуальном плане для первого историографического периода было характерно признание господствующего положения норманнов в древнерусском обществе. Для могильников была разработана первая “длинная хронология” VIII—XI вв. Большинство погребений признавались славянскими, были определены также основные погребальные традиции населения Ярославского Поволжья.

К первому периоду относятся работы И.А. Тихомирова, Т. Арне, Ю.В. Готье.

Второй период, начало которому положено в 1938—1939 гг., ознаменовался новыми полевыми работами на тех же памятниках. Методика раскопки курганов была существенно усовершенствована. Раскопки проводились теперь “на снос” с составлением подробной полевой документации и планов погребений. Полевые отчеты второго периода выгодно отличаются от прежних разработанной терминологией описания исследуемого археологического объекта (кургана). Высокий уровень полевых исследований позволил советским археологам добавить к методу общего описания зафиксированных археологических явлений, который использовался в прежние годы, методику археологической атрибуции конкретного объекта, рассматривая каждое погребение как комплекс-систему с присущими ему взаимосвязанными элементами погребальной обрядности и инвентаря. В опубликованных научных работах археологические данные выступают уже как самостоятельный исторический источник, тогда как письменные сообщения в археологических исследованиях отходят на второй план. Структура публикации полученных материалов, предложенная Я.В. Станкевич, стала примером для подражания в последующие годы.

Этот период приходится на годы жесткого идеологического контроля со стороны Советского государства всех теорий по общественно-историческим наукам. Именно поэтому в историографии Ярославского Поволжья происходит формирование «патриотической концепции», в контексте которой население, оставившее курганы, рассматривается исключительно как славянское. В этот же период были заложены основы антинорманизма в отечественной археологии, который существовал на всех последующих историографических этапах советского времени. Нововведением в это время стало привлечение археологических данных для изучения социально-экономического развития общества.

В историографию второго периода включены работы Я.В. Станкевич, Н.Н. Воронина, Д.А. Авдусина, Е. Кивикоски.

В 1960-е годы, на которые приходится третий историографический период, на памятниках вновь были проведены полевые исследования. Методика полевых исследований осталась традиционной. Дополнением стало лишь исследование кольцевых курганных ровиков. Полевые исследования значительно расширили круг археологических источников. В состав могильников Ярославского Поволжья включен еще один — Петровский. Научный подход к изучению погребальной обрядности базировался на методе «археологической атрибуции» каждого конкретного погребального комплекса, который возведен в абсолют. За основу публикации археологических материалов взяты структура и схема, предложенные Я.В. Станкевич. Монография «Ярославское Поволжье X—XI вв.» стала «классическим» изданием археологических памятников подобного рода.

В теоретическом плане в эти годы была значительно сокращена хронология бытования могильников: IX—начало XI в. для Тимеревского и Петровского; X—начало XI в. для Михайловского. Большинство заключений было сделано на материалах Тимеревских курганов. М.В. Фехнер сформулировала гипотезу о преобладании среди населения Ярославского Поволжья финно-угров, скорее всего, весской племенной группировки. Теоретические позиции, изложенные исследователями, во многом продолжили традиции второго периода.

К третьему периоду отнесены работы М.В. Фехнер, Н.Г. Недошивиной, Е. Кивикоски, Е.И. Горюновой, П.Н. Третьякова.

Четвертый период — двадцатилетие 1970—1980 гг. — выделен ввиду начала полевых исследований на Тимеревском поселении, что расширило круг привлекаемых источников. Методика

исследования поселения была традиционной для тех лет — раскопки малыми площадями.

На этот период приходится время формирования И.В. Дубовым теории «динамики погребальной обрядности Ярославских могильников», базирующейся на методе выделения «культурно-хронологических пластов в составе погребальных памятников». Новшеством был и примененный И.В. Дубовым метод комплексного анализа с привлечением данных не только погребений, но и поселенческого комплекса. В этот же период в историографии вспыхнула «концептуальная война» между «московской» и «ленинградской» археологическими школами.

Прежние исследователи Ярославских могильников (М.В. Фехнер, Н.Г. Недошивина) продолжили изучение памятников. Сохраняя свои научный подход и методы работы, исследователи практически полностью повторили основные положения теории, выдвинутой в 1960-е годы.

В последние годы историографического периода были опубликованы статьи, ставящие под сомнение правомерность всех бытующих концепций этнического определения погребенных, что продемонстрировало некоторую кризисность и тупиковость сложившейся ситуации в отечественной археологии при работе с данными из древнерусских погребальных комплексов IX—X вв.

К четвертому историографическому этапу отнесены работы И.В. Дубова, М.В. Фехнер, Н.Г. Недошивиной, С. Мейнандера, М. Дреджера, Л.И. Смирновой, А.Е. Леонтьева.

Последний, современный историографический период (1990-е годы) выделен на основании возрождения идей «норманизма». Данное явление может быть названо «неонорманизмом 90-х». Отличительной особенностью современного этапа следует признать тот факт, что именно зарубежные археологи (шведские) были «застрельщиками» новой дискуссии о характере Ярославских памятников при выдвигании на первый план в исследованиях вопроса об этнической принадлежности погребенных. С методологической точки зрения, исследователи пошли по пути выделения из общей совокупности погребений Ярославских могильников исключительно скандинавских захоронений. Основанием для этого послужили сходные со шведскими погребениями признаки погребального ритуала и соответствующие категории инвентаря. И отечественные, и зарубежные археологи заговорили о возможности признания факта широкой миграции населения Фенноскандии в IX—X вв. на территорию Северо-Восточной Руси, по материалам Ярославских мо-

гильников и Тимеревского поселения. Характерной чертой современного этапа является также кабинетный стиль работы, когда полевое изучение памятников более не проводится.

В историографии современного периода рассмотрены работы И. Янсона, И. Каллмера, И.В. Дубова, В.Н. Седых, В.В. Мурашевой.

Заканчивая историографический обзор изучения Ярославских могильников, можно сделать прогноз о возможной в ближайшее время смене господствующей парадигмы. Тезисы о присутствии на памятниках выходцев с Анладских островов вынуждают пересмотреть, и даже изменить все существующие этнические построения, основанные на материалах из по-

Авдусин Д.А., 1948. Дружинные курганы кривичей. Автореф. дисс. канд. ист. наук. М.

Барсов Е.В., 1902. Из истории колонизации и культуры Ростовского края // Труды Ярославского съезда исследователей древностей Ростово-Суздальской области. М.

Булкин В.А., Дубов И.В., Лебедев Г.С., 1978. Археологические памятники Древней Руси IX—XI веков. Л.

Воронин Н.Н., 1941. Медвежий культ в Верхнем Поволжье в XI в. // МИА. № 6.

Городец В.А., 1903. Археологическая учебная экскурсия воспитанников Ярославского кадетского корпуса // ИАК. Вып. 6.

Готье Ю.В., 1929. Заметки о ранней колонизации Ростово-Суздальского края // ТСА РАНИОН. М. Т.4.

Дубов И.В., 1978. Ярославское Поволжье в IX—XI столетиях (Итоги историографии) // Проблемы археологии. Л. Вып. 2.

Дубов И.В., 1982. Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья. Л.

Дубов И.В., 1985. Города, величеством сияющие. Л.
Кельсиев А.И., 1878—1879. Отчет по раскопкам в Ярославской и Тверской губерниях, проведенным в 1878 году // Антропологическая выставка 1879 года. М. Т. 2.

Леонтьев А.Е., 1991. Так кто же насыпал Ярославские курганы? // Красноведческие записки. Ярославль. Вып. VIII.

Мерперт Н.Я., 1995. Введение // Антология советской археологии. М.

Недошивина Н.Г., 1963. Михайловские могильник // Ярославское Поволжье X—XI вв. М.

Сизов В.И., 1902. Курганы Смоленской губернии // МАР. Вып. 28.

SUMMARY

I.V. Kurav HISTORIOGRAPHY OF THE BURIAL MOUND CEMETERIES IN YAROSLAVL VOLGA REGION

This paper is a review of historiography related to Old Russian mound cemeteries dated to the Xth—XIth centuries in Yaroslavl Volga region (Michailovskoe, Timerevo and Petrovskoe). As a

гребений. Возможно также, что новые гипотезы будут основываться на ином методологическом подходе — комплексном анализе материалов погребений и поселений. Но обращаясь к уже сформированным теориям и концепциям, стоит отметить, что многие из их положений является характерным для славяно-русской археологии и в историографии других погребальных памятников Древней Руси в IX—X вв. В данном контексте историография Ярославского Поволжья отражает все тенденции развития отечественной археологии в концептуальном и методологическом смысле, которые определяют характер изучения погребальной обрядности в последнее столетие.

Спицын А.А., 1905. Владимирские курганы // ИАК. Вып. 15.

Спицын А.А., 1906. К истории заселения Верхнего Поволжья русскими // Труды II Областного Тверского историко-археологического съезда. Тверь.

Станкевич Я.В., 1938—1939. Отчет о раскопках. — Архив сектора славяно-русской археологии ЛОИА.

Станкевич Я.В., 1941. К вопросу об этническом составе населения Ярославского Поволжья в IX—X ст. // МИА. № 6.

Тихомиров И.А., 1897—1898. Отчет о раскопках Михайловских курганов. — Архив ГИМ. Ф. 99. Ед. хр. 42.

Тихомиров И.А., 1906. Кто насыпал Ярославские курганы? Ч. 1. // Труды II Областного Тверского историко-археологического съезда. Тверь.

Тихомиров И.А., 1909. Кто насыпал Ярославские курганы? Ч. 2. // Труды III Областного историко-археологического съезда. Владимир.

Тихомиров И.А., 1914. Славянское заселение Ярославской губернии // Труды IV Областного историко-археологического съезда в г. Костроме в июне 1909 г. Кострома.

Фехнер М.В., 1963а. Тимревский могильник // Ярославское Поволжье X—XI вв. М.

Фехнер М.В., 1963б. Внешнеэкономические связи по материалам ярославских могильников // Ярославское Поволжье X—XI вв. М.

Шаскольский И.П., 1978. Норманская проблема в советской историографии // Советская историография Киевской Руси. Л.

Ярославское Поволжье X—XI вв., 1963. М.

Arne T.T., 1918. Ett svenskt grävält i guvernementet Iaroslav Ryssland. Fornvannen.

Kivikoski E., 1934. Eisenzeitliche Tontatzen aus Aland // Eurasia septentrionalis antiqua. Helsinki. IX.